

щее обобщение всех предшествующих изысканий по данной теме с их достижениями и нерешенными проблемами и как плодотворное воплощение творческого замысла, которое демонстрирует интересные перспективные подходы и намечает новые области исследований. Можно надеяться, что работа Нели-Клеман стимулирует аналогичное комплексное изучение других категорий римских солдат и администраторов.

Монография, выполненная во многих отношениях образцово, дает совсем не много поводов для критических замечаний. На некоторые не очень удачные, на наш взгляд, решения и суждения, а также технические погрешности все же стоит указать. Так, возможно, целесообразнее и логичнее было бы выделить в отдельную главу вопрос о религии бенефициариев, которая в той или иной степени рассматривается и в I, и в IV, и в VII главах. Это позволило бы, как представляется, более системно и четко осветить различные аспекты данной темы. Далее. Вполне обоснованно оставаясь на почве надежно документированных фактов и избегая суждений по аналогии или *a priori*, Нели-Клеман все же вольно или невольно заглушает негативные стороны в действиях тех военно-полицейских сил, к которым принадлежали и бенефициарии: создается впечатление, что взаимоотношения провинциального населения и солдат, занятых в администрации, были ближе к состоянию гармонии, чем напряженности и конфликтности. Однако более вероятно, что действия бенефициариев мало чем отличались от поведения других военных, выполнявших аналогичные полицейские функции и вызывавших своими злоупотреблениями ненависть различных слоев населения провинций. Есть в книге опечатки, совсем немногочисленные, но досадные для издания столь высокого уровня. В списке библиографии на с. 446 три работы Эрика Берли указаны под именем Энтони Р. Берли, а на с. 451 в названии статьи I.P. Naunus'a вместо слова *Auxilia* напечатано *Aemilia*. Разумеется, все это ничуть не умаляет тщательности и концептуальной стройности рассмотренного труда, который безусловно займет достойное место в ряду основополагающих работ по истории военной и административной организации Римской империи.

А.В. Махлаюк

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО РИМСКОГО ПРАВА

A.M. HONORE. *Law in the Crisis of Empire, 379–455 AD: the Theodosian dynasty and its quaestors*. Oxford: Clarendon Press, 1998. XII, 320 p.

Очередная¹ работа известного английского исследователя Тони Оноре «Право в период кризиса империи, 379–455 гг. н.э.: династия Феодосия Великого и ее квесторы» посвящена проблемам интерпретации постклассических императорских конституций, включенных в Кодексы Феодосия и Юстиниана. Монография, несомненно, отстает от принятых для написания подобного рода работ канонов – как по методам исследования, так и по структуре организации материала.

В первую очередь следует отметить, что основной задачей автора является идентификация подлинных авторов текстов императорских конституций, включенных в Кодексы, а также в Новеллы Феодосия II и Валентиниана III. Основными редакторами подобных текстов Оноре считает императорских квесторов и, анализируя язык конституций, пытается выделить серии текстов, которые можно приписать авторству одного лица, а затем стремится идентифицировать этого редактора с конкретной исторической личностью Поздней империи. В данном случае Оноре использует метод исследования, к которому он уже прибегал в прежних работах² и за который не раз подвергался обоснованной критике³. Создание текста императорской кон-

¹ Автор весьма плодovit и с завидной регулярностью публикует монографии; ср. *Honore T. Gaius*. Oxf., 196d; *idem*. *Tribonian*. L., 1978; *idem*. *Ulpian*. Oxf., 1982; из последних работ следует упомянуть: *idem*. *Emperors and Lawyers*. With a *Palingenesia* of Third-Century Imperial Rescripts 193–305 AD. 2nd ed. Oxf., 1994.

² Ср. *Honore T. The Making of the Theodosian Code // ZSS RA*. 1986. 103. P. 133–222.

³ См. критические замечания, высказанные в работах Дж. Хэррис: *Harries J. The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // JRS*. 1988. 78. P. 148–172; *eadem*. *Law and Empire in Late Antiquity*. Cambr., 1999. P. 42–47.

ституции представляло собой сложный процесс, в нем принимало большое количество людей, и хотя квестор играл в нем существенную роль, «определение квесторов на основании стилистического анализа конституций – весьма рискованное предприятие»⁴. Кроме того, и сами императорские конституции, ставшие предметом исследования Оноре, подверглись редакторской правке со стороны составителей Кодекса Феодосия, и, хотя автор заставляет нас пересмотреть общепринятое представление о масштабах этой правки⁵, тем не менее возникает еще одно основание воспринимать его метод исследования с большой долей сомнения. Следует, впрочем, заметить, что несмотря на неадекватность метода автор приходит к выводам, представляющим немалый интерес.

К числу оригинальных черт монографии следует отнести также одно из приложений к работе, а именно компьютерную версию (в формате MS Word для Windows 6.0) палингенезис императорских конституций «Феодосиевой» эпохи, с 379 по 455 г. н.э. Подобную же работу Оноре ранее проделал с императорскими рескриптами 193–305 гг.⁶

Наконец, весьма примечательна структура самой монографии Оноре. Она представляет собой «нелинейное» исследование: I глава является одновременно и введением, и заключением, поскольку автор предлагает читателю обратиться к этой главе дважды – до и после прочтения основного текста монографии (с. 1–2, 274). Автор прибегает к этому приему сознательно, указывая, что знакомство с общими выводами работы может способствовать формированию у читателя адекватного представления о проблемах изучаемой эпохи. Кроме того, подобная структура исследования, с точки зрения Оноре, облегчает задачу привлечения более широкого круга читателей, который, при сохранении традиционной схемы построения монографии, ограничивался бы только юристами и историками, исследующими просопографию Поздней империи (с. 1).

Рассматривая структуру работы более подробно, следует указать, что она состоит из 13 глав и 3 приложений, одно из которых – в электронном виде. I глава работы «Право в эпоху кризиса» (с. 1–29) представляет собой, как уже было сказано, одновременно и введение, и заключение. Основная часть работы разделена на две части, первая из которых посвящена исследованию законотворческой деятельности императоров и квесторов Восточной империи (Феодосий I, Аркадий I и Феодосий II), а вторая – изучению аналогичной деятельности императоров и квесторов Западной империи (Валентиниан II, Гонорий I и Валентиниан III). В приложении приводится список квесторов эпохи династии Феодосия Великого, т.е. периода с 379 до 450 г. на Востоке и с 383 до 455 г. на Западе (с. VII).

Основная часть исследования посвящена изучению стиля конституций отдельных императоров, попытке выделения серий конституций, стиль которых свидетельствует о существовании единого редактора, и последующей идентификации редактора, – т.е. императорского квестора, – с известными нам по другим источникам конкретными историческими личностями. Анализ текста конституций не сводится, впрочем, лишь к установлению личности редактора, но также связан с попыткой установить степень профессионализма законодателя. Оноре рассматривает вопрос юридической подготовленности редактора текста, стремится установить его религиозную ориентацию и приходит к принципиально важным выводам об общих тенденциях не только правовой политики императоров Восточной и Западной империи, но и об основных направлениях развития общества той и другой части Римской империи в эпоху кризиса. Ибо, утверждает Оноре, исследуемый период был, несомненно, периодом кризиса (с. 1), который Восточная Римская империя с успехом преодолела и, обретя новые – по сравнению с предшествующей эпохой – черты, просуществовала еще тысячелетие и который Западная Римская империя осилить не смогла и погибла (с. 1). Поиск стабильности империи в восточной ее части происходил в рамках уточнения концепции «правления закона», которому подчиняется и сам император (с. 8–9). Император, укрепляя уважение к закону, обеспечивал защиту интересов граждан империи, которые, в свою очередь, были обязаны платить налоги и нести различные повинности (с. 9). Стремление установить «господство закона» могло, с точки зрения Оноре, найти отражение во все более укреплявшейся в Восточной империи практике назначать на пост императорского квестора профессиональных юристов (с. 9–11). В западной части империи подобная тенденция не была столь ярко выраженной (с. 19–20). Кроме того, на

⁴ *Eadem*. The Roman Imperial Quaestor... P. 154.

⁵ Автор совершенно справедливо утверждает, что «интерполирование текстов, целью которого было сведение их в единое целое, является чертой Кодекса Юстиниана, а не Кодекса Феодосия ... поэтому текст Кодекса Феодосия ближе к оригинальному тексту» императорской конституции (с. IX, 152). Ср. *Sirks B. The Sources of the Code // The Theodosian Code / Ed. J. Harries and I. Wood. L., 1993. P. 45–67.*

⁶ *Honore*. Emperors and Lawyers....

Востоке все более отчетливо прослеживается стремление императора назначать на пост квестора не просто юристов, но юристов-христиан, что, с точки зрения исследователя, должно свидетельствовать об осуществленном в восточной части империи инкорпорировании *lex Christiana* в традиционную правовую культуру. Подобное слияние способствовало преобразованию Римской империи в империю Византийскую (с. 24). В западной же части империи подобные тенденции если и присутствовали, то, с точки зрения Оноре, лишь в зачаточном виде (с. 27–29). Данные отличия в концепциях правопорядка, существовавшие в Западной и Восточной частях Римской империи, полагает автор, могут быть указаны в числе факторов, определивших столь несхожую судьбу двух империй (с. 29).

Хотя методы исследования, к которым прибегает Оноре в своей работе, могут вызвать возражения⁷, тем не менее вышеприведенные выводы представляют огромный интерес для исследователей эпохи Поздней Римской империи. К сожалению, рассмотреть материал, на основании которого эти выводы сделаны, более подробно в рамках краткой рецензии не представляется возможным. Вместе с тем, следует более подробно разобрать одну из глав работы Оноре, в которой он отказывается от уже привычного для него метода интерпретации источников и остается в пределах традиционного анализа. Речь идет о VI главе, озаглавленной «Понимание Кодекса Феодосия» (с. 123–153). С точки зрения автора, Кодекс – конечный продукт стремления к «правовому единству, реформе и кодификации», прослеживавшегося в восточной части империи (с. 122). Оноре исследует планы создания Кодекса и приходит к выводу, что центральное правительство не отказалось от осуществления первого плана, плана 429 г.⁸, и рассматривало Кодекс как результат осуществления первой части данного плана (с. 126). Вторая часть, т.е. издание еще и фрагментов сочинений классических юристов, была осуществлена только Юстинианом, но также не в полном соответствии с замыслом 429 г.⁹ (с. 125). К 435 г. стало очевидным, что осуществление второй части проекта откладывается на неопределенное время, и первый план создания Кодекса был уточнен, но хотя эти уточнения и составили значительный этап в процессе создания Кодекса, тем не менее современники не считали второй план, план 435 г.¹⁰ основным (с. 127). Оноре рассматривает и другие проблемы, связанные с изучением Кодекса Феодосия. Он исследует, в частности, вопрос «повторяемости» одних и тех же норм в Кодексе и приходит к выводу, что если они и повторялись, то с небольшими, но значительными изменениями, даже если в тексте самой императорской конституции отрицалась сама возможность внесения подобного изменения (с. 133). Кроме того, «повторение» могло использоваться как средство подтверждения действительности правовой нормы (с. 133–134). Наконец, Оноре обращается к проблеме предполагаемого преобладания в Кодексе «западных» конституций¹¹. Возможно, это утверждение справедливо в отношении конституций периода правления Валентиниана I и Валента, но совершенно ложно для периода

⁷ К числу сомнительных построений автора, кроме уже отмеченного спорного метода проведения исследования, следует отнести перевод термина «узуфрукт» на английский язык как «life interest» (с. 43). Хотя, несомненно, данный институт английского права имеет множество точек соприкосновения с римским узуфруктом (*Nicholas B. An Introduction to Roman Law. Oxf., 1962. P. 144–145*) и подобная интерпретация возможна, такого рода перевод нельзя признать адекватным.

⁸ В фрагменте императорской конституции CTh. 1. 1. 5 (26 марта 429 г.) воспроизводятся основные моменты этого плана, состоявшего из двух частей. На первом этапе предполагалось собрать все конституции всеобщего применения, принятые императорами начиная с Константина Великого, распределить их в хронологическом порядке по тематическим титулам, а затем обнародовать наряду с Грегориановым и Гермогениановым Кодексами. На следующем этапе предполагалось соединить все три вышеуказанных кодекса, устранить все существующие между их текстами противоречия и издать, включив в каждый тематический раздел фрагменты из сочинений классических юристов. Последнее собрание должно было быть названо в честь Феодосия и стать «учителем жизни» (*magisterium vitae*) для граждан империи (с. 124–125, прим. дд). Предложенная интерпретация CTh. 1.1.5 является общепринятой: см. *Archi G.G. I principi generali del diritto. Compilazione teodosiana e legislazione giustiniana // Archi G.G. Scritti di diritto romano. IV. Milano, 1995. P. 10 sgg.*; однако А. Манфредини высказался против подобного толкования: *Manfredini A. Osservazioni sulla compilazione teodosiana (CTh. 1, 1, 5; 6 e Nov. Theod. I), in margine a CTh. 9, 34 (de famos libellis) // AARC. IV. Perugia, 1981. P. 385–428.*

⁹ План 429 г. был в полной мере осуществлен только при создании Василик, см. *Barone-Adesi G. Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano, 1. I corpora degli iura tardoimperiali. Torino, 1998.*

¹⁰ В CTh. 1. 1. 6 содержатся рекомендации по изданию Кодекса, в соответствии с которыми предполагается распределить императорские конституции по главам и титулам, при этом составители Кодекса получают полномочия осуществлять небольшое редактирование текстов конституций, а именно – устранять противоречия между ними.

¹¹ *Seeck O. Regesten der Kaiser und Papste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919. S. 2.*

379–450 гг. на Востоке и 383–455 гг. на Западе, где мы обнаруживаем 644 «восточных» конституций и 463 «западных». И хотя, как говорит и сам автор, к подобного рода подсчетам следует относиться с большой осторожностью, поскольку никогда нельзя достаточно точно определить, не была ли одна и та же императорская конституция разделена составителями Кодекса на несколько фрагментов, тем не менее от 58 до 64 процентов императорских конституций этого периода, включенных в Кодекс, следует считать «восточными» (с. 141).

Наконец, Оноре предлагает оригинальное и, по всей видимости, верное решение проблемы включения в Кодекс императорских конституций, утративших силу¹². Поскольку составители Кодекса в соответствии с полученными ими инструкциями не должны были включать преамбулы императорских конституций в Кодекс¹³, и, соответственно, «история» принятия каждой конституции оставалась неясной, компиляторы использовали тексты конституций для того, чтобы, приводя более раннее и уже не действующее постановление, объяснить *ratio* действующей конституции, принятой позже (с. 142–145). К столь сложной процедуре составителям Кодекса Феодосия приходилось прибегать, потому что в отличие от членов комиссии Трибуниана им не было делегировано правомочие изменять тексты «священных» («*saerae*») императорских конституций¹⁴ (с. 147, 152–153). Оноре, таким образом, предлагает убедительное решение давно поставленных и до сих пор не получивших должного освещения в научной литературе источниковедческих проблем Кодекса Феодосия; его обоснованные выводы, ставшие результатом тонкого анализа известных и многократно обсуждавшихся текстов, несомненно получают заслуженно высокую оценку среди исследователей Поздней Римской империи.

Помимо Кодекса Феодосия, в IX главе «Взгляд из Рима: право в *Historia Augusta*» (с. 190–211) рассматривается также известное постклассическое историческое сочинение с точки зрения существования на Западе концепции, аналогичной «восточной» идее «господства» закона. Автор *Historia Augusta* (а Оноре подчеркивает, что у этого сочинения был один автор, который использовал несколько псевдонимов для того, чтобы таким образом завуалировать свои чересчур радикальные взгляды) – несомненно язычник, придерживающийся взглядов, близких тем, которые разделяли выдающиеся аристократы Рима конца IV в. н. э. (с. 191). Даже являясь противником «воинствующего» христианства Феодосия Великого, он тем не менее выступает за возрождение римского права и обращение к той эпохе, когда юристы более активно участвовали в управлении империей. В этом смысле этот язычник поддерживает программу правления Феодосия I (с. 190) и разделяет «восточную» концепцию «господства», «правления» закона (с. 190–191, 210–211). Анализируя концепцию автора *Historia Augusta*, Оноре находит еще одно подтверждение своей идее о том, что одной из предпосылок трагической судьбы Западной Римской империи было стойкое неприятие основной массой образованной части ее общества христианского учения. Поэтому, хотя предпосылки развития идеи «правления закона» были и на Западе, а уровень юридической культуры Запада, по всей видимости, не уступал Востоку¹⁵, этих элементов оказалось недостаточно для стабилизации и единения общества перед лицом угрозы вражеского нашествия (с. 190–191, 209–211; ср. с. 23–29).

Итак, новая работа известного английского исследователя, посвященная проблемам эпохи Поздней Римской империи, открывает новые перспективы в, казалось бы, достаточно традиционных изысканиях. Предложенная Оноре концепция развития позднеантичного общества позволяет по-новому интерпретировать, в частности, место и роль христианства в судьбах Западной и Восточной империй.

* * *

¹² Факт включения в Кодекс Феодосия утративших силу императорских конституций общепризнан: *Seeck*. *Op. cit.* S. 11; *Archi G.G.* *Teodosio II e la sua codificazione*. Napoli, 1976. P. 49–54.

¹³ CTh. I. 1. 6 пр.: ...*et circumcisis ex quaque constitutione ad vim sanctionis non pertinentibus solum ius relinquatur* («... после исключения из каждой конституции не относящегося к смыслу закона, пусть будет оставлена только сама правовая норма»).

¹⁴ Ср. *Sirks*. *Op. cit.* *Passim*.

¹⁵ *Volterra E.* *Western Postclassical Schools* // *The Cambridge Law Journal*. 1949. 10. P. 196–215; *Gaudemet J.* «*Jus*» et «*Leges*» // *Iura*. 1950. 1. P. 236; *Liebs D.* *Die Jurisprudenz im spätantiken Italien*, 260–460 n. Chr. B., 1987.

Монография Джил Хэррис «Право и империя в поздней античности» посвящена проблемам интерпретации юридических памятников эпохи Поздней Римской империи как источника для реконструкции истории постклассического общества.

Работа состоит из введения, десяти глав и заключения. В предисловии к книге автор высказывает несколько интересных суждений общего характера, на которых, несомненно, следует остановиться более подробно. Предметом пристального внимания автора монографии является Кодекс Феодосия и в гораздо меньшей степени Кодекс Юстиниана. Как известно, вместе с Айваном Вудом Хэррис издала сборник статей, посвященных проблемам Кодекса Феодосия, и написала к нему предисловие¹. В рецензируемой книге утверждение, что Кодекс Феодосия долгое время служил источником по истории Поздней Римской империи, но внимания источниковедческим проблемам Кодекса почти не уделялось, сопровождается весьма характерной оговоркой: «...по крайней мере, историками, пишущими на английском» (с. VII). С этим нельзя не согласиться – действительно, англоязычные историки данному вопросу достаточно внимания не уделяли, чего нельзя сказать об англоязычных юристах. Следовательно, автор рассчитывает, что своего читателя ее книга найдет прежде всего среди англоязычных историков поздней античности, которые, как правило, плохо владеют иностранными языками и слабо разбираются в юридической проблематике. Но и русскоязычному читателю эта книга может оказаться полезной.

В предисловии также указывается, что объектом исследования в монографии является процесс правотворчества и правоприменения в эпоху Поздней империи: рассматривается период с начала правления Диоклетиана до смерти Феодосия II, и особое внимание автор предлагает уделить Кодексу Феодосия, хотя и не исключает возможности использовать также законодательные акты императоров Адриана и Юстиниана.

В небольшом введении к работе (с. 1–5) исследовательница затрагивает весьма важный для историков, привлекающих в качестве источника юридические тексты, вопрос: насколько правомерно использовать подобные источники для реконструкции явлений административной, социальной и культурной жизни Римской империи (с. 4). Хэррис предупреждает историков об опасности неадекватной интерпретации юридических текстов: «...историки, использующие юридические тексты в качестве источника, должны осознавать - и принимать во внимание – тот факт, что юриспруденция представляет собой самостоятельную отрасль науки ...с собственной интеллектуальной традицией... Оценка юридических текстов всего лишь как еще одного литературного или документального источника, без учета особенностей создания подобного текста, может привести к непониманию содержания текста источника и к созданию на основании подобного анализа весьма спорных исторических концепций...» (с. 4). К сожалению, автор монографии не всегда прислушивается к собственному мудрому предостережению (см. ниже).

Итак, основная часть работы представляет собой «попытку независимого прочтения позднеримских юридических текстов в качестве источника по истории Поздней античности» (с. 4).

Глава монографии «Право поздней античности» (с. 6–35) посвящена, по существу, характеристике источников права Поздней Римской империи. Следует отметить, впрочем, что автор недостаточно строго проводит различие между понятиями «источник права» как форма позитивации права и «исторический источник», т. е. юридический памятник, источник познаний о праве данной эпохи, что приводит к определенной путанице в выводах и определениях в данной главе. Это тем более странно, что в III главе монографии исследовательница обращается к анализу именно формальных источников позитивного права. Вместе с тем некоторые выводы, к которым приходит Хэррис в I главе, представляются весьма любопытными. В частности, автор указывает, что анализ общественного устройства и правопорядка Поздней Римской империи, основанный на предполагаемом конфликте между правом (или правовыми нормами) и властью, является упрощенным и неадекватным. Имеется в виду будто бы существовавшее противостояние между правопорядком, или комплексом нерушимых правовых

¹ The Theodosian Code / Ed. J. Harries and I. Wood. L., 1993.

норм, и внешними факторами, такими, например, как произвол могущественных лиц, приобретших это могущество либо благодаря богатству, либо благодаря положению в обществе (с. 8). Несомненно, критика подобного подхода весьма справедлива, но, с другой стороны, собственная концепция Хэррис также не совсем адекватна. С ее точки зрения, общество Поздней Римской империи следует рассматривать в рамках концепции «сложной системы связей, в которой право использовалось как средство принуждения, как проявление могущества или как пешка в бесконечной игре, разыгрываемой между императором и гражданами, центром и провинцией, богатыми и бедными» (с. 8). К сожалению, за броскостью выражений кроется понимание права как набора установленных правил, а ведь именно эту концепцию несколькими строчками выше сама Хэррис критикует.

Помимо невятности теоретических выводов следует указать на ряд фактических недочетов в предлагаемой характеристике юридических памятников Поздней империи. Прежде всего, автору монографии, по-видимому, совершенно не известны работы современных – прежде всего итальянских – исследователей, посвященные так называемому «закону о цитировании». В противном случае Хэррис не стала бы ссылаться на устаревшую концепцию, согласно которой «закон о цитировании» – «достойный сожаления отказ от ответственности»; в соответствии с ним «...суждения авторитетных юристов должны были возобладать за счет отказа» от толкования юридической нормы в процессе принятия судебного решения (с. 19)². Подобные же неточности³ можно обнаружить и в тексте, посвященном источниковедческим проблемам Кодекса Феодосия (с. 22–25).

Автор еще раз пытается представить анализ программных конституций Кодекса в III главе своей монографии «Иерархия источников права»⁴ (с. 56–76), но, к сожалению, и здесь ограничивается использованием лишь небольшого количества работ⁵ и не принимает во внимание существование обширной литературы по данному вопросу⁶.

II глава монографии «Процесс создания юридической нормы» (с. 36–55) посвящена главным образом описанию процесса разработки текста законодательной нормы и ее последующего толкования в ходе принятия судебного решения. Автор подробно описывает деятельность императорского квестора⁷, отмечая, в частности, что «первейшая и основная роль императорского квестора в эпоху поздней античности состояла – не больше и не меньше – в том, чтобы быть представителем императора "по связям с общественностью"⁸, и эта должность вела свое происхождение от *quaestor candidatus* Ранней империи, в обязанности которого входило зачитывание посланий императора к римскому сенату» (с. 43). Таким образом, Хэррис вступает в полемику с теорией Тони Онорэ, согласно которой императорский квестор играл

² Ср. *Barone-Adesi G. Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano, 1. I corpora degli iura tardoimperiali*. Torino, 1998; если даже предположить, что данная монография не была по какой-либо причине доступна автору, то в сборнике 1993 г., вышедшем под его собственной редакцией, есть превосходная статья Б. Сиркса, (*Sirks B. The Sources of the Theodosian Code // The Theodosian Code*. P. 45–67), в которой наряду с прочим затрагивается и вопрос о «законе о цитировании» в рамках более современной концепции, чем та, которую предлагает Дж. Хэррис в своей новой монографии.

³ К «неточностям» данной главы можно отнести и предлагаемый автором перевод (с. 71) перевода термина *mancipatio*: «сделка купли-продажи» (!).

⁴ Такой перевод названия главы «The Construction of Authority» не точен, но представляется более правильным, чем словный, поскольку речь в данной главе идет именно о формальных источниках позитивного права.

⁵ В основном это англоязычная литература и всего лишь одна (!) работа итальянского исследователя: *Archi G.G. Teodosio II e la sua codificazione*. Napoli, 1976.

⁶ *Bianchini M. Rilegendo CTh. 1, 1, 5 // Contributi di storia antica in onore di A. Garzetti*. Genova, 1976. P. 227 ss.; *De Marini Avonzo F. La politica legislativa di Valentiniano III e Teodosio II*. Torino, 1975; *Falchi G.L. La codificazione di Teodosio II e la Legge delle citazioni nella parte orientale dell'Impero // AARC. V. Città di Castello, 1983*. P. 209–245; *idem. Sulla codificazione del diritto romano nel V e VI secolo*. Roma, 1989; *Manfredini A.D. Osservazioni sulla compilazione teodosiana (CTh. 1, 1, 5; 6. e Nov. Theod. I), in mardine a CTh. 9, 34 (de famosus libellis) // AARC. IV. Perugia, 1981*. P. 387–428; *idem. Il 'Codex Theodosianus e il 'Codex magisterium vitae' // AARC. V. Città di Castello, 1983*. P. 177–208 и др.

⁷ См. также: *Harries J. The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // JRS*. 1998. 78. P. 148–172; *Honore T. The Making of the Theodosian Code // ZSS RA*. 1986. 103. P. 133–222; *idem. Law in the Crisis of Empire, 379–455 AD*. Oxf., 1998.

⁸ «Spokesman».

весьма значительную, если не ведущую роль в процессе подготовки текста законодательной нормы в IV – начале V в.⁹

В IV главе «Действенность юридической нормы» (с. 77–98) автор подробно анализирует и подвергает убедительной критике широко распространенное представление о Поздней Римской империи как о «царстве произвола», в котором законодательные нормы постоянно нарушались. В частности, отмечается, что разделяемые многими постклассическими писателями беспокойство по поводу «нарушения законодательных норм или пренебрежения законом само по себе не означает неэффективность законов. Вместе с тем существование проблемы осознавалось, и это понимание представляет само по себе знаменательное культурное событие, которое свидетельствует не о реальном масштабе нарушения закона, но о заботе как императоров, так и граждан о соблюдении законов...» (с. 78). Кроме того, Хэррис полагает, что необходимо пересмотреть концепцию, согласно которой увеличение числа нормативных актов центральной власти следует считать свидетельством ее слабости и неэффективности. Историк пытается предложить собственную интерпретацию факта «повторения» различными императорами одних и тех же законодательных норм. Ошибка исследователей, усматривающих в подобном «повторении» признак слабости центральной власти, заключается, с точки зрения Хэррис, в неадекватности применяемого ими метода анализа проблемы. Она полагает, что «повторение законодательной нормы укрепляло правовой порядок. Граждане империи хотели знать о новейших суждениях в сфере права, и знание о последних законодательных актах, относящихся к их делу, а также осознание того, что императоры пришли к одному и тому же выводу несколько раз, являлось формой успокоения [общественного мнения]» (с. 86) Таким образом, с ее точки зрения, повторение одних и тех же законодательных норм было обусловлено пониманием со стороны центральной власти потребности общества в подтверждении действительности прежних законодательных норм. «Правовая норма утрачивает силу не тогда, когда ее повторяют, но тогда, когда о ней более не упоминают» (с. 87). Несомненно, концепция автора весьма интересна, хотя последний вывод вряд ли может поразить своей оригинальностью.

V глава «В суде» (с. 99–117) содержит достаточно подробное описание стадий постклассического судебного процесса. В качестве источника автор привлекает в том числе и «*Relationes*» («Служебные донесения») Симмаха (с. 114–117).

В VI главе, высокопарно озаглавленной «Преступление и наказание»¹⁰ (с. 118–134), а также в VII главе «Наказание» (с. 135–152) автор пытается развеять очередной историографический миф, связанный с эпохой Поздней Римской империи, на этот раз – о мнимой жесткости и суровости общественных нравов этого времени. Хэррис утверждает, что подобная концепция связана с теорией «злоупотреблений» в сфере уголовного права¹¹ (с. 118). В данном случае автор также полагает, что недочеты подобной теории проистекают из неадекватной интерпретации источников, и замечает, что основными источниками здесь послужили произведения христианских писателей, а также тексты Либания и Аммиана, в которых описываются злоключения друзей последних: несомненно, использовать подобные документы надо с большой осторожностью, поскольку следует предположить, что их создатели не были беспристрастны в своих суждениях. Кроме того, подчеркивает Хэррис, современные исследователи в своих построениях исходят из теперешних представлений о мере и характере наказания за преступления, которые в античном обществе были совершенно иными. Сравнимая способы наказания за преступления и отношение к ним общества Ранней и Поздней Римской империи, автор приходит к выводу, что в поздней античности произошли значительные изменения, «свидетельствующие о действительно существующем влиянии более гуманного отношения» (с. 135). Более того, именно в данный период было запрещено устраивать из смертной казни публичное представление (здесь подразумеваются бои гладиаторов) (с. 151). Наконец, Хэррис предлагает собственную интерпретацию существующих источников: «...представление о том, что поздняя античность была периодом беспрецедентной жестокости в сфере судопроизводства, совершенно определенно основывается на том факте, что дей-

⁹ *Honore*. The Making of the Theodosian Code.

¹⁰ Предлагаемый перевод не совсем точен. Название данной главы – «Crime and the Problem of Pain» – следует, конечно, перевести как «Преступление и проблема страдания». Подобная ошибка есть плата за возможность максимального адекватно передать патетический стиль, присущий автору рецензируемой монографии.

¹¹ Хэррис ссылается здесь на статью: MacMullen R. Judicial Savagery in the Roman Empire // *Chiron*. 1986. 16. P. 147–166.

ствия палачей стали подвергаться критике... Пыткам и наказаниям был брошен вызов, они стали предметом обсуждения...» (с. 152). Подобные явления общественной жизни исследовательница оценивает положительно и полагает, что именно они свидетельствуют о гуманизации позднеантичного общества.

В VIII главе, озаглавленной «Продажный чиновник¹²» (с. 153–171), Хэррис опровергает мнение о повальной продажности чиновников всех уровней в эпоху Поздней империи. С точки зрения автора, чиновники Поздней Римской империи были не более коррумпированы, чем их коллеги в более ранний период, однако их действия чаще служили объектом критики со стороны императоров, жителей провинций и христианских писателей (с. 167–171).

IX глава монографии (с. 172–190) посвящена проблеме внесудебного разрешения споров, а X (с. 191–211) – институту «episcopalis audientia».

В Заключении (с. 212–216) автор кратко повторяет основные выводы предшествующих глав работы, отмечая, в частности, что «...несмотря на все недостатки, стремление бюрократических кругов Константинополя – с конца IV в. – упорядочить, систематизировать и сделать всеобщими все разнообразные аспекты жизни империи не было бесплодным» (с. 216). Одним из результатов подобного усилия была кодификация Феодосия, а затем и Юстиниана.

Монография Джил Хэррис, безусловно, представляет интерес. Хотя в работе достаточно много неточностей, а автор грешит чрезмерно широкими обобщениями, тем не менее можно только приветствовать сделанную в ней попытку пересмотреть многие «историографические мифы»¹³ относительно характера развития позднеантичного общества на основании более внимательного и бережного отношения к источникам.

* * *

JOHN F. MATTHEWS. Laying down the Law. A Study of the Theodosian Code. New Haven and London: Yale University Press, 2000. 314, XV p.

Известный исследователь поздней античности Джон Мэтьюз, автор большого количества монографий и статей¹, обратился к написанию работы о Кодексе Феодосия, основном объекте его последних изысканий². Работа озаглавлена «Laying down the law»³, что заставляет предполагать стремление автора к нетрадиционной трактовке известной темы. Однако он целиком и полностью остается в рамках традиционной историографии, причем историографии англоязычной.

Основная цель работы, декларируемая автором, – проанализировать особенности Кодекса Феодосия и изучить процесс его создания, обеспечив тем самым необходимые предпосылки для изучения Кодекса в качестве источника по истории Поздней Римской империи (с. VII, 9). Таким образом, книга написана историком и для историков.

Подобная концепция обуславливает целый ряд особенностей работы. Автор указывает, что он сознательно не использовал многие исследования, посвященные юридическим аспектам Кодекса. Книга написана, подчеркивает Мэтьюз, с точки зрения историка, а не с позиции

¹² Точное название – «The Corrupt Judge», однако слово «judge» является переводом постклассического латинского термина «iudex», который следует интерпретировать как «чиновник с судебными полномочиями» – см. Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. 2-е изд. Варшава, 1896. С. 242, «iudex».

¹³ Заметим, впрочем, что значительная часть этих мифов продолжает существовать именно в англоязычной историографии, а острие критики Хэррис направлено прежде всего против Р. МакМаллена и Т. Онорэ.

¹ *Matthews J.F. Western Aristocracies and Imperial Court, A.D. 364–425. Oxf., 1975; idem. The Roman Empire of Ammianus. L., 1989; Matthews J.F., Heather P. The Goths in the Fourth Century. Liverpool, 1991 и др.*

² *Matthews J.F. The Making of the Text // The Theodosian Code. Studies in the Imperial Law of Late Antiquity / Ed. J. Harries and I. Wood. L., 1993. P. 19–44; idem. Codex Theodosianus and Nichomachus Flavianus // Historia. 1997. 46. P. 196–213; idem. Eternity in Perishable Materials: law-making and literate communication in the Roman Empire // Ancient History in a Modern University / Ed. T.W. Hillard, R.A. Kearsley et al. V. II. Michigan, 1998. P. 253–265.*

³ Возможен двоякий перевод этого выражения: с одной стороны, оно означает «устанавливать, формулировать закон», а с другой – «говорить категоричным тоном, безапелляционно заявлять».

юриста. Метод, которым он пользуется, – «исторический и филологический», автор «не историк права и не претендует на то, чтобы таковым быть» (с. IX). Кроме того, исследователь подчеркивает, что сам он воспринимает свою собственную работу как продолжение серии недавно опубликованных англоязычных исследований Кодекса Феодосия (с. X)⁴. Но вывод об оправданности подобных притязаний может сделать только читатель.

Работа состоит из предисловия, девяти глав и заключения, которое автор обозначает как X главу. В I главе «Событие исторического значения» (с. 1–9) разбирается вопрос о публикации Кодекса Феодосия, о процедуре ознакомления Сената Рима в 437 г. с текстом Кодекса, о непосредственно предшествующих этому акту событиях. Данную главу можно рассматривать как введение к основному тексту монографии.

В следующей, II главе «Императоры, право и юристы» (с. 10–30) излагаются программа кодификации Феодосия II, история создания Кодекса, упоминается проблема систематизации источников права в постклассическую эпоху, наконец, несколько слов уделено и знаменитому «закону о цитировании». В III главе «*Senatus amplissimi gesta*» (с. 31–54), как уже ясно из ее названия, рассматривается вопрос о принятии Кодекса Феодосия в Западной империи, а точнее, детально исследуется текст так называемых *Gesta senatus de Theodosiano publicando*. В двух этих главах достаточно подробно и точно излагается история создания и принятия Кодекса Феодосия. Они не содержат каких-либо открытий, и их можно было бы также рассматривать как вводные, но, вероятно, по мысли автора они уже составляют текст основной части работы.

Наконец, после столь длительного предисловия Мэтьюз переходит к анализу структуры Кодекса, и здесь можно обнаружить целый ряд довольно новых и неожиданных умозаключений. Собственно говоря, он предлагает самый подробный – после итальянского романиста Скерилло⁵ – анализ структуры Кодекса (с. 101–120). Рассматривая структуру отдельных книг, исследователь отмечает, что для книг I–V Кодекса Феодосия более надежным следует считать издание П. Крюгера, а не Т. Моммзена, поскольку метод Крюгера, которым тот пользовался при реконструкции первых книг Кодекса, представляется более адекватным (с. 99–101). Исследуя отдельные титулы Кодекса, автор приходит к любопытному выводу относительно структуры I книги. Он отмечает, что в начальных титулах I книги Кодекса рассматривается вопрос об источниках права, а затем следуют титулы, устанавливающие нормы назначения на важнейшие административные должности империи и обязанности высших должностных лиц. Мэтьюз полагает, что подобное расположение материала, посвященного формам позитивного права, соответствует порядку первых глав Институций Гая, и усматривает прямое влияние этого сочинения на структуру Кодекса (с. 101).

Хотя такая интерпретация, несомненно, оригинальна, все же вряд ли следует признать ее правильной. Составители Кодекса Феодосия следовали порядку Вечного эдикта, и первой книге Кодекса соответствует первая рубрика эдикта «*De his qui in municipio colonia foro iure dundo praesunt*».

Кроме того, Мэтьюз предлагает заслуживающую внимания интерпретацию того, какое место занимает в Кодексах Феодосия и Юстиниана книга, посвященная церковному праву. Как известно, в Кодексе Феодосия церковному праву посвящена последняя, XVI книга, тогда как в Кодексе Юстиниана – начало первой, после чего в Кодексе Юстиниана соблюдается порядок I книги Кодекса Феодосия. Автор отвергает традиционную точку зрения, согласно которой последняя книга Кодекса Феодосия была задумана как кульминация всего Кодекса, что отражало новые реалии христианской империи Константина Великого. Напротив, он полагает, что такие изменения в обществе, которые потребовали поместить раздел церковного права в начало Кодекса, произошли только в эпоху Юстиниана, когда божественный авторитет стал рассматриваться как материальный источник права. В Кодексе Феодосия, напротив, сохраняется традиционная для классических юридических сочинений структура, и в начале такого сочинения трактуется вопрос о формальных источниках позитивного права. Церковное право рассматривается в последней книге Кодекса только потому, что в традиционной структуре римских классических юридических сочинений не предусматривалось изучение вопросов религии, и раздел церковного права был принципиально новым предметом для анализа в юридическом сочинении.

В монографии уделяется большое внимание еще одной теме: принципам работы составителей кодекса с нормативно-правовыми актами, включенными затем в Кодекс. Исследователь

⁴ Имеются в виду монографии Тони Оноре и Джил Хэррис, о которых шла речь выше.

⁵ *Scherillo G. Teodosiano, Gregoriano, Ermogeniano // Studi Ratti. Milano, 1934. P. 247–323; idem. Il sistema del Codice Teodosiano // Studi Albertoni. I. Padova, 1935. P. 513–538.*

прибегает при этом к методу сопоставления текстов тех императорских конституций, которые дошли до нас вне Кодекса Феодосия, с редакцией этих же конституций в Кодексе. В ряде случаев он реконструирует конституции на базе различных источников и затем сравнивает полученный текст с вариантом, предлагаемым в Кодексе. Основным материалом для изучения послужили *Constitutiones Sirmondianae* (с. 121–167). Для реконструкции отдельных конституций используются тексты самого Кодекса Феодосия, Кодекса Юстиниана, а также ряда эпиграфических памятников (с. 200–279). На основании проведенного анализа Мэтьюз приходит к следующим выводам. В соответствии с программой кодификации, сохранившейся в фрагментах императорских конституций в Кодексе Феодосия (CTh. I. 1. 5–6), составители Кодекса стремились исключить любой текст, не относящийся к содержанию нормы, устанавливаемой императором. В Кодекс Феодосия не были, таким образом, включены предлагаемые императорами объяснения обстоятельств, которые стали причиной издания той или иной конституции. Кроме того, составители Кодекса исключили инструкции императора должностным лицам по публикации конституций; не были сохранены также личные формы обращения к должностным лицам и заменены на более официальную. Редакция основного текста нормативно-правовых актов была, напротив, минимальной и касалась, скорее, синтаксических особенностей отдельных фрагментов (с. 168, 278–279).

Еще одним объектом пристального внимания исследователя является проблема источников Кодекса Феодосия (с. 280–293). Мэтьюз утверждает, что составители Кодекса использовали официальные архивы законодательных актов, содержание которых финансировалось императором и обслуживалось чиновниками империи, и собрания документов, созданные частными лицами (с. 281). Заметим, что в рецензируемой книге он отстаивает идею, которую ранее уже пытался обосновать в отдельных статьях⁶. Однако она тогда же была опровергнута голландским исследователем Б. Сирксом, убедительно показавшим, что основным источником Кодекса Феодосия послужили официальные архивы, а не коллекции частных лиц (до 90% всех текстов)⁷.

Помимо отмеченных достоинств работы, следует отметить еще одно достижение Мэтьюза. Он убедительно доказал, что все попытки интерпретировать работу составителей Кодекса как бессистемную работу по хаотичному собиранию случайных конституций⁸ совершенно не обоснованы. Комиссия, созданная императором Феодосием II, строго следовала программе кодификации, сведения о которой можно почерпнуть из двух фрагментов императорских конституций (CTh. I. 1. 5–6).

Новую книгу Джона Мэтьюза можно, вне всяких сомнений, рекомендовать исследователям поздней античности. В работе достаточно подробно проанализированы специфические особенности Кодекса Феодосия как юридического памятника, которые должны учитываться при использовании Кодекса как источника по истории Поздней империи.

Е.В. Сильвестрова

⁶ См., в частности: *Matthews. The Making of the Text.*

⁷ *Sirks B. The Sources of the Theodosian Code // The Theodosian Code. P. 45–67.*

⁸ *Sargenti M. Il codice teodosiano: tra mito e realta // SDHI. 1995. 61. P. 373–398.*